

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

1. Фукуяма Ф. Конец истории? /Ф. Фукуяма // Философия истории. Антология. — М., 1995. — 540 с.
2. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. — М.: ООО "Издательство АСТ", 2004 — 207 с.
3. Frank R.N. *Gnoosing me Right Pond Human Behaviour and the Quest for Status* Oxford Oxford University Press, 1985 453 p.
4. Хаксли О. О дивный новый мир / О. Хаксли. СПб.: Амфора, 1999. с. 520.
5. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. — М: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 603 с.

*Паскалова М. І.* – кандидат філософських наук, старший викладач кафедри гуманітарних та соціально-економічних дисциплін, учений секретар Військової академії (м. Одеса)

УДК: 123.1+140.8

**ВИЗНАЧАЛЬНА ВИПАДКОВІСТЬ ЯК СПОНТАННИЙ ВИЯВ  
ПОДАЛЬШОЇ НЕОБХІДНОСТІ**

*У статті зроблена спроба проаналізувати взаємозалежність випадковості та необхідності. Розглядається опис випадковості у синергетичній теорії. Аналізується, які саме параметри оточуючої дійсності провокують появу випадковості.*

**Ключові слова:** випадковість, нестійкість, необхідність, біфуркація.

**ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ КАК СПОНТАННОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ  
ДАЛЬНЕЙШЕЙ НЕОБХОДИМОСТИ**

*В статье предпринята попытка проанализировать взаимозависимость случайности и необходимости. Рассматривается описание случайности в синергетической теории. Анализируется, какие именно параметры окружающей действительности провоцируют появление случайности.*

**Ключевые слова:** случайность, неустойчивость, необходимость, бифуркация.

**DETERMINED RANDOMNESS AS SPONTANEOUS DEVELOPMENT  
OF THE NEXT NECESSITY**

*The article attempts to analyze the interdependence of randomness and necessity. Randomness in a synergetic combination of theory is described. The parameters of reality which provoke the appearance of randomness are examined.*

**Key words:** randomness, volatility, necessity, bifurcation.

Все события, происходящие в жизни человека, могут быть оценены как необходимые либо как случайные. Сверхившееся событие, если оно представляет логическое следование из предшествующих событий, расценивается как факт, который не мог не произойти. Такое течение жизни воспринимается человеком как должное ибо «подтверждает» организованность окружающей действительности, делает целесообразным заблаговременное планирование и расчет. Если же случается непредвиденное, то, что по нашему представлению недолжно было произойти, то мы говорим о случайности. Случайность, в отличии от необходимости, расценивается как дезорганизирующее явление ибо вносит в нашу жизнь некоторое недопонимание и непредсказуемость. Одноразовые и непериодические события первоначально отождествляют с дезорганизацией, и только в исключительных случаях впоследствии делаются попытки познать определившие их причины. Поиск этих причин вырождается зачастую в простую констатацию их наличия, закрепляя за ними фатальность и непознаваемость. Однако события, которые следуют за случайностью, чаще всего, выстраиваются в слаженную последовательность, в результате чего возникает вопрос: а была ли случайность случайна?

Вопрос о необходимости и случайности в окружающей действительности занимал многих исследователей с давних времён и не потерял актуальности и сегодня.

В статье предпринята попытка проанализировать взаимозависимость случайности и необходимости. Рассматривается описание случайности в синергетической теории. Анализируется,

какие именно параметры окружающей действительности провоцируют появление случайности.

В философии были созданы как парадигмы, роль необходимости в которых абсолютна, а случайность – лишь следствие временной непознанности объектов, так и системы, в которых, напротив, спонтанность и случайность довлеют над обусловленностью.

Исследователями отмечается, что философское осмысление этих категорий началось с античности, разделившись на два направления. Первое направление – попытка осмыслить природу необходимого и случайного. Второе направление – предпринимает попытки разобраться, подчиняется ли то, что происходит в мире, определенному порядку и закону, или же в нем есть также и случайность, отличная от порядка?

Аристотель высказал мысль, что случайное содержит необходимость в возможности, а необходимое – случайность в возможности (или – соответственно – возможность необходимого и возможность случайного)» [4, с. 156]. То есть, наличествует плотная взаимосвязь обеих категорий, которые не мыслятся друг без друга. Для Аристотеля необходимость и случайность являлись равноправными характеристиками процессов.

Однако общая тенденция относительно ответа на вопрос об упорядоченности мира заключается в том, что мир не хаос, а космос, олицетворяющим закон и порядок. Эта тенденция, зародившаяся у первых философов, оставалась преобладающей вплоть до XX века нашей эры.

Так, Демокрит полагал, что причину имеет всё, и что случайность люди ввели, «чтобы оправдать свою глупость».

Взгляд на мироустройство, когда случайность отрицается, существовал и позже и продолжает существовать поныне.

Августин Блаженный говорил: «Ведь возможно, что то, что называют фортуной, управляется неким скрытым порядком, а случаем мы называем то, основания и причины чего нам неизвестны».

Гегель трактует случайность как объективное явление, вызванное несущественными, внешними причинами. Продолжает эту идею и марксизм, признающий важнейшую роль случайности в истории. Случайность трактуется марксистами как форма проявления и дополнения необходимости, как результат пересечения причинных целей. Но при этом случайность считается все же вторичной по отношению к необходимости, поскольку она влияет только на своеобразие исторических процессов, конечный же результат предопределен необходимостью.

В XIX в. французский математик, механик, физик, астроном и философ А. Пуанкаре писал: «Мы сделались абсолютными детерминистами, и даже те, которые склонны сохранить за человеком свободу воли, признают неограниченное господство детерминизма в области неорганического мира. Всякое явление, сколь бы оно, ни было незначительно, имеет свою причину, и бесконечно мощный дух, беспредельно осведомленный в законах природы, мог бы его предвидеть с начала веков. С такого рода духом, если бы он существовал, нельзя было бы играть ни в какую азартную игру, не теряя всего состояния. Для него слово «случайность» не имело бы смысла или, вернее, для него вовсе не существовало бы случайности. Лишь вследствие нашей слабости, вследствие нашего невежества случайность для нас существует» [1].

В XX веке А. Эйнштейн придерживаясь мнения об предопределенности сказал: «бог не играет в кости».

Итак, традиционная наука первоначально отторгала случай. Все связи и отношения между различными объектами рассматривались как имеющие строго однозначный характер. Неоднозначность и неопределенность в связях и отношениях рассматривались как неполное выражение знаний об исследуемых объектах, лишь как подход к истине или же как результат некорректной постановки задачи. Таким образом конструктивную роль в познании играла лишь необходимость. На раскрытие таких необходимых связей и ориентировалось развитие познания. За случайностью объективной основы практически не признавалось.

Наука XX в. оказала огромное значение для признания фундаментальной роли случайности. Ее базовое значение в структуре бытия проявилось через учащение обращений естественных наук к исследованию стохастических процессов. Особенность вероятностного стиля мышления заключалась в его оперировании стохастическими законами. Результатом развития этой тенденции стало появление синергетики, разработавшей механизм рождения порядка в массиве случайностей.

Синергетическое видение представляет мир состоящим из открытых систем, которые интенсивно обмениваются энергией, веществом, информацией с окружающей средой. А все это влечет за собой признание того, что мир невообразимо сложен, все получаемые о нем знания являются лишь вероятностными и все подчинено воле случая.

Цикин В. А. обращает внимание на то, что мир и его картина, рисуемая классической наукой, – это мир, жестко детерминированный причинно-следственными связями. При этом причинные связи имеют линейный характер, а следствие если не тождественно причине, то по крайней мере пропорционально ей. По причинным связям ход развития событий может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым. Однако, следствие, как правило, не может быть выведено непосредственно, поскольку оно обуславливается еще и такими факторами, которые не вытекают с необходимостью из внутренних свойств данного явления, а выступают как случайные, то есть имеющие причину в другом, хотя и связанным с первым, в круге условий [8, с. 13].

С помощью синергетики случайность можно пояснить посредством такого явления как бифуркация. Бифуркация представляет собой акт спонтанного, внешне ничем не детерминированного, а потому непредсказуемого разделения надвое изначально однородного материала, процесса, хода течения событий. Сам акт этого процесса может породить множество дроблений, отдельных ветвей.

Дальнейшие изменения приводят к дальнейшему разделению вариантов развития системы.

Применительно к социальным явлениям, можно сказать следующее – мир невероятно сложен, он наполнен событиями и возможностями для каждого конкретного индивида с учетом его индивидуальных особенностей и предшествующей истории. В обыденной жизни мы совершаем спланированные действия и рассчитываем на достижение определённого результата. Но иногда, случаются события, которые мы никак не предвидели. Что-то нарушило наши планы, пошло не так. Нам кажется, что произошло нечто, что невозможно было предугадать. Однако все произошедшее неслучайно. Это результат функционирования «сложнейшего механизма» – нашей жизни, который характеризуется невероятным количеством параметров взаимосвязи и взаимодействия которых создают еще большее количество вариаций развития этого механизма. Бифуркация это одно из состояний, в котором оказывается система в результате своего предшествующего развития, взаимодействий системы, которые оказались в приоритете, а также, благодаря такому своему качеству как неустойчивость.

Э. Ласло пишет следующее, процесс возникновения бифуркаций делает эволюцию неравновесных систем скачкообразной и нелинейной. Хотелось бы отметить, что с позиции синергетики наша жизнь представляет собой открытую сложную систему, которая характеризуется разупорядоченностью, разнообразием, неустойчивостью, неравновесностью, нелинейными соотношениями. Так вот, в вследствие неравновесности и нелинейности бифуркация полна неожиданностей. В природе невозможно предсказать, какой путь проложит бифуркация. Исход бифуркации определяется не предысторией системы, не окружающей ее средой, а только взаимодействием более или менее случайных флуктуации в хаосе критически дестабилизированных систем [3].

Флуктуация – случайные отклонения от среднего значения физических величин, характеризующих систему из большого числа частиц. Чаще всего флуктуация определяется случайностью, и таким образом случайность начинает носить судьбоносный для системы характер. Роль флуктуации в жизни самоорганизующихся систем очень велика. Любой отдельный элемент системы в бифуркационной точке своим флуктуирующим воздействием может оказать решающее влияние на дальнейшую жизнь всей системы.

Василькова В. В. описывая точки бифуркации, называет их переломным, критическим моментом неопределенности будущего развития – точками «разветвления» возможных путей эволюции системы. Зона бифуркации характеризуется принципиальной непредсказуемостью. Исход процесса решает конкретное, определяемое в данный момент соотношение действий источников и стоков, усиливающих или, наоборот, размывающих неоднородности в системе [2, с. 19].

Следствием прохождения системой точки бифуркации является необратимость. Как отмечает М. В. Савостьянова, самозарождение структур, вызванное неравновесностью, нарушением симметрии, определяет существенный момент самоорганизации – необратимость происходящих процессов, а также, при образовании диссипативных структур, ведет к возникновению различий «внутреннее – внешнее» [6, с. 15]. Сделав выбор в пользу одного из возможных путей развития, система навсегда утрачивает возможность вернуться в прежнее состояние и изменить этот свой выбор. Ибо в системе происходят качественные изменения.

Точки бифуркации обладают такими свойствами как непредсказуемость и кратковременность. Кратковременный характер проявляется в том, что точки бифуркации разделяют более длительные

устойчивые режимы системы. Обычно, точка бифуркации имеет несколько устойчивых режимов работы, по одному из которых пойдёт система, такие режимы называются аттракторы. Однако заранее невозможно предсказать, какой новый аттрактор займёт система.

Аттрактор – концентрация энергии решающего воздействия одной из флуктуаций на элементы системы или в обновляющейся макроструктурной её упорядоченности или в условии хаотического беспорядка [5].

Любая система имеет один или несколько аттракторов, к которым она тяготеет. Постепенно или внезапно нарастает острота противоречий системы, усиливая амплитуды флуктуации и порождая конкурентное взаимодействие между ними. Флуктуации «раскачивают» систему, выводя её из состояния равновесия и подталкивая к точке бифуркации. При этом, чем сложнее система, тем многочисленнее типы флуктуации, мощнее и разнообразнее раскачивающие систему их силы. Но система возвращается к ее прежнему состоянию до тех пор, пока не перейден порог устойчивости ее ведущих параметров. Переход к критической неустойчивости происходит тогда, когда интенсивность локальных возмущений и их амплитуды достигают такой аномальной силы, которая пронизывает всю макроструктуру системы и делает невозможным возвращение ее к прежнему состоянию.

Еще А. Пуанкаре отмечал, что случайность проявляет себя прежде всего в состояниях неустойчивого равновесия.

С неравновесностью, пишет М. В. Савостьянова, тесно связан принцип нарушенной симметрии, который ответственен за появление различий и ведет в конечном итоге к переходу от хаоса к порядку и появлению новых структур, новых симметрий и параметров порядка, которые несводимы к предыдущим [6, с. 14].

Неравновесные системы благодаря избирательности к внешним воздействиям среды воспринимают различия во внешней среде и «учитывают» их в своем функционировании. При этом некоторые слабые воздействия могут оказывать большее влияние на эволюцию системы, чем воздействия, хотя и более сильные, но не адекватные собственным тенденциям системы.

Анализируя случайность через призму нового научного веяния Ю. В. Чайковским было предложено следующее деление случайностей – на шесть ступеней по степени неупорядоченности (хаотичности): от детерминированного причинно-следственного акта, природа которого известна (в качестве низшей ступени случайности он может выступать для тех, кто не знает закономерной природы данного явления), до «истинного хаоса», не допускающего при наличном развитии науки никакого описания [9, с. 178].

Наши представления о структурной организации мира основываются на том, что в мире нет беспричинных явлений, что каждое явление имеет свою причину. Случайность при таком подходе обычно выступает как следствие весьма сложного, запутанного, а потому и опосредованного действия множества причин. Нелинейный характер взаимодействий раскрывает, как возможна подобная опосредованность. Идея случайности существенно опирается на представление о том, что причины не всегда могут быть разумны соотнесены со своими следствиями, что во взаимосвязях в материальном мире существуют своего рода иррациональные, несоизмеримые элементы [7].

Итак, необходимость и случайность не обязательно должны исключать друг друга. В концепции динамического хаоса эти понятия не только не исключают, но и взаимно дополняют друг друга. Первопричиной случайного движения в таких системах является локальная неустойчивость, которая возникает из-за нелинейности движения и приводит к перемешиванию траекторий. Свойство локальной неустойчивости показывает, что случайность в хаотических системах имеет внутреннее происхождение и не связана ни с неполным описанием, ни с неточностью измерений, ни с внешними флуктуациями.

Таким образом, в результате трансформации представлений о случайности в постклассический период философии категорию случайности перестали понимать только как противоположность необходимости. Случайность в ходе этих преобразований приобретает новое конструктивное звучание. Роль случайности неизмеримо возрастает, и соответственно она перестает считаться чем-то дезорганизующим и негативным.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Анри Пуанкаре. Наука и метод / Анри Пуанкаре [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library/poincare/4.htm>

© Плавич В. П.

2. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем / Василькова В. В. — СПб. : Издательство. Лань, 1999. — 480 с. — (Синергетика и теория социальной самоорганизации). Серия: Мир культуры, истории и философии.
3. Ласло Эрвин Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Ласло Эрвин ; предис. А. Ч. Кларка, пер. с англ. Ю. А. Данилова. — М. : Тайдекс Ко, 2004. — 208 с.
4. Метафизика / Пер. А. В. Кубицкого. М.-Л.: Соцэргиз. 1934. — переизд.: *Аристотель*. Метафизика. — М.: изд-во Эксмо, 2006. — 608 с.
5. Мир энциклопедий [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.encyclopedia.ru/internet/uekm.html>.
6. Савостьянова М. В. Перспективы человека разумного: эволюция или адаптация? / Савостьянова М. В. — К. : Издатель ПАРАПАН, 2005. — 168 с.
7. Сачков Ю. В. Случайность формообразующая [Электронный ресурс] — Режим доступа: [http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews\\_97.htm](http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_97.htm)
8. Цикин В. А. Философия самоорганизации сложных систем / В. А. Цикин. — Суми : СДПУ, 2001. — 196 с.
9. Чайковский Ю. В. О природе случайности. Монография / Ю. В. Чайковский. — Институт истории естествознания и техники РАН, 2004. — 2-е изд., испр. и доп. — 280 с.

*Плавич В. П. - Доктор філос. наук, професор, академік, заслужений діяч науки і техніки України, завідувач кафедри загальноправових дисциплін та міжнародного права*

## ГУМАНІТАРНЕ ЗНАННЯ ТА ГУМАНІТАРНІ НАУКИ РЕЦЕНЗІЯ

Потреба в ефективному, якісному гуманітарному знанні постійно зростає у зв'язку з розширенням сфери його застосування та спробами технологізації гуманітарних наук. На гуманітарні дисципліни покладаються великі надії щодо спроможності подолати кризові явища в сучасній цивілізації і глобальні проблеми, які загрожують самому існуванню людства. Вимоги до гуманітарного знання не можуть бути виконані без вирішення ряду методологічних завдань. Методологія науки чимало зусиль доклала, щоб вирішити, в яких же випадках достатньо описів і класифікацій, якими переповерхнені гуманітарні науки, а коли цього недостатньо і необхідні строгі теорії, точні методи, надійні передбачення. На жаль, методологія науки була переважно методологією природознавства. Методологічні дослідження гуманітаристики представлені далеко не так широко. Монографія О. І. Афанасьєва [Афанасьєв А. И. Гуманитарное знание и гуманитарные науки: Монография. – Одесса: Бахва, 2013. – 288 с.] закриває певну білу пляму в цьому питанні.

В монографії представлено концепцію додатковості двох взаємовиключних підходів у визначенні статусу гуманітарного знання: перший орієнтує гуманітаристику на відповідність канонам науковості, другий окреслює гуманітарну сферу, де використовуються специфічні концептуальні установки та засоби пізнання і представлення знань. Ідея додатковості послідовно верифікується автором на методологічних конструктах: наукове знання, теорія, метод, парадигма, картина світу, раціональність тощо.

Автор, демонструє, що такі риси об'єктів науки як унікальність, складність, мінливість, активність, які часто вважають специфічними для гуманітаристики, насправді не є такими. Вони характерні взагалі для безлічі систем, а тому досліджуються в такій загальнонауковій теорії як параметрична теорія систем в якості системних параметрів. Це робить релевантним використання системного підходу для аналізу специфіки гуманітарного знання. До гуманітарного знання можуть бути застосовані загальнонаукові критерії, а гуманітарні науки можуть використовувати такі ж способи і засоби пізнання і представлення знання, що й інші науки.

Проведений аналіз дозволяє авторові сформулювати тезу про необхідність розрізнення гуманітарних наук та гуманітаристики саме за ознаками науковості. У рамках гуманітарного знання виокремлено три сфери знань. Перша відповідає строгим стандартам науковості, друга використовує більш розмиті стандарти науковості, але тяжіє до першої. Третя сфера гуманітаристики протистоїть першій і є позанауковою з різним ступенем віддаленості від науки її окремих складових (гуманітаристика у вузькому сенсі). Це дозволяє авторові розрізнити в гуманітарній галузі наукове і ненаукове знання, а також два типи наукового гуманітарного знання, на основі відповідності сильним